

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран
Воронежского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ТРАНЗИТНЫХ ОБЩЕСТВАХ (ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ)

Аннотация:

В статье автор проводит мысль о том, что в развитии национальной идентичности и памяти история играет особую роль, которая актуализируется в транзитных обществах. История тесно переплетается с национализмом. Националистические интеллектуалы стремятся формировать и предлагать обществу исторические нарративы в националистической системе координат. Эта активность националистов приводит к различным последствиям. Она содействует размытию канонов исторического исследования и политизации историографии.

Ключевые слова:

историография, национализм, историческая память, историческая политика.

Kirchanov Maxim Valeryevich

D.Phil. in History, Associate Professor,
Regional Studies and Foreign Countries'
Economy Subdepartment,
Voronezh State University

HISTORICAL POLICY IN TRANSITIVE SOCIETIES (PROBLEMS AND CONTRADICTIONS)

Summary:

The article focuses on the thesis that development of national identity and memory is determined by the history that becomes especially relevant in transitive societies. The history is closely intertwined with nationalism. The nationalist intellectuals aspire to interpret historical narratives in the nationalist terms. These activities of the nationalists lead to various consequences. It contributes to diffusion of standards of historical researches and encourages the politicization of the historiography.

Keywords:

historiography, nationalism, historical memory, historical policy.

В транзитных обществах проблемы исторической памяти и национальной истории на протяжении длительного времени сохраняют свою актуальность. История является мощным мобилизационным ресурсом как в деле разрушения старых политических режимов, так и создания новых институтов, призванных санкционировать демократический опыт и придавать легитимность новым режимам. Процессы политического транзита неизбежно сопровождаются фрагментацией общества. Нередко линией расхождения является национальная история, точнее – отношение к историческому прошлому со стороны представителей различных политических сил, которые активно влияют на формирование отношения к истории и порой прибегают к открытым и открытым «проработкам прошлого».

Впервые «проработка прошлого» как предшественница современной «исторической политики» началась в Германии и была связана с попытками осмысления и преодоления нацистского прошлого немецкими интеллектуалами [1], которые были заинтересованы в достижении компромисса между различными слоями общества. Комментируя «проработку прошлого» Теодор Адорно, писал, что «вопрос о том, что означает «проработка прошлого», нуждается в прояснении. Он возникает по поводу выражения, которое в последние годы стало в высшей степени подозрительным девизом. В том употреблении этого словосочетания, о котором идет речь, под проработкой прошлого вовсе не имеется в виду, что прошедшее перерабатывается всерьез и его чары рассеиваются под воздействием ясного сознания. Напротив, под прошлым хотят подвести черту и по возможности стереть его из памяти... от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно и потому что если за вину и насилие всегда расплачиваться виной и насилием, то чувству страха не будет конца; и несправедливо, потому что прошлое, от которого хотят убежать, еще живо» [2].

Существование различных политических, а в ряде стран – и национальных (или национализирующихся) идентичностей самым существенным образом оказало влияние на те толкования прошлого, которые предлагались интеллектуалами, принадлежащими как к разным политическим, так и этническим группам. В подобной ситуации историческое знание стало заложником политической конъюнктуры, а отсутствие политического опыта, тенденции к утверждению авторитарной модели политического развития привели к фактической реставрации советской модели развития при формальном сохранении методологического плюрализма в исторических исследованиях. В ряде стран (Беларусь, в определенной степени – Россия) этот плюрализм в большей степени носит мни-

мый и показной характер в силу того, что историографическое производство в значительной степени монополизировано официальными академическими институтами. Это вовсе не означает существования альтернативных мнений и интерпретаций прошлого, которые почти не слышны, если принять во внимание, что тема истории постоянно пребывает в центре внимания государственных СМИ, не чуждых и откровенных исторических фальсификаций. В результате складывается порочный круг, функционирование которого делает политизацию истории просто неизбежной.

Подобные схемы проработки и, как следствие, преодоления прошлого были применены на Западе после завершения Второй мировой войны и привели к относительно успешным результатам. Преодоление прошлого в России является в большей степени благим пожеланием малочисленной группы критически мыслящих интеллектуалов, что дает возможность некоторым российским авторам констатировать существование в России «непреодоленного прошлого» [3]. Вопрос о возможности применения западных практик форматирования исторической памяти в России и других постсоветских странах (например, в Украине) является дискуссионным. Проработка прошлого может привести к позитивным результатам в тех обществах, которые не отягощены этническими стереотипами, но на постсоветском пространстве, образованном новыми государствами, имеющими к друг другу претензии, связанные с некогда общим прошлым, принудительным пребыванием в рамках многонациональных и недемократических государств имперского типа, проработка прошлого способствует исключительно развитию нового исторического мифотворчества.

Историческая политика универсальна и неизбежна, на что указывает и польский исследователь Адам Михник, подчеркивая, что «нет на свете государства, которое не проводило бы какой-либо «исторической политики». Повсеместно обучают истории, финансируют научные исследования о прошлом, отмечают годовщины важных исторических событий, ставят памятники национальным героям. Следовательно, если появляются требования начать проводить эту самую «историческую политику», то совершенно ясно, что речь в данном случае идет не о начале, а о переменах – о преподавании иного взгляда на историю, о поклонении другим героям, о сооружении памятников еще вчера отвергаемым людям, о праздновании других исторических юбилеев» [4].

Комментируя прикладное значение исторической политики, А. Миллер полагает, что она, с одной стороны, проводится ради создания и развития «положительного, душеукрепляющего образа национальной истории». С другой стороны, у исторической политики имеется немалый конструктивистский потенциал, комментируя значение которого А. Миллер полагает, что «все нации хотят сделать такой национальный нарратив, который выполнял бы конструктивную функцию в формировании понимания «Мы», солидарности и т. д.» [5]. По мнению А. Миллера, следует разграничивать понятия «историческая политика», с одной стороны, и «политизация истории» и «политика памяти» [6] – с другой, в силу того что они могут быть направлены на формирование различных ценностей у тех или иных групп общества. Историческая политика нередко связана и с легитимацией сложившихся политических отношений, а «становление национальных государств, формирование национального самосознания и подъем национализма» оказывают стимулирующее влияние на «легитимирующую функцию истории» [7]. Историческая политика, таким образом, изначально зависима от государственных инициатив в области истории и периодических политических интервенций в прошлое. Она может играть и играет различные роли, но нередко ее предназначение сводится к укреплению национальной идентичности, легитимации самого факта существования нации, независимой государственности, отстаиванию той или иной позиции в споре с соседями.

Историческая политика не относится к числу постоянных инструментов, которые используются различными политическими силами. Историческая политика, то есть государством санкционированные и им же направляемые манипуляции с историческим прошлым, имеет особое значение в тех постсоветских странах, перед которыми стоит задача строительства собственной национальной государственности в условиях почти полного отсутствия политического опыта. Комментируя постсоветские практики использования истории, С. Минасян подчеркивает, что «во всех без исключения постсоветских странах исторический дискурс и апелляции к прошлому – как к «золотому веку», эпохе обретения нацией независимости или периоду героической борьбы за выживание во враждебном окружении – остаются самыми важными и, возможно, наиболее эффективными идеологическими основами построения новой независимой государственности» [8].

Подобное манипулирование прошлым в откровенно политических целях свидетельствует о двух тенденциях. С одной стороны, история имеет немалый потенциал в деле строительства политической нации, так как обеспечивает ее строителей необходимыми примерами государственного опыта. С другой – историческое воображение современных националистов в бывших советских республиках в значительной степени связано и с этническим национализмом, потому что, обеспечивая ту или иную нацию государственным прошлым и тем самым трансформируя ее в политическую, национально ориентированные интеллектуалы совершенно свободно интегри-

руют государственные традиции других этнических групп в общую схему создаваемой ими национальной истории той нации, к которой они принадлежат. Политики обращаются к исторической политике изредка, от случая к случаю, например во время обострения двухсторонних отношений, когда, как полагает А. Миллер, возникает «та самая атмосфера, в которой сторонники исторической политики чувствуют себя очень комфортно» [9].

Историческая политика всегда или почти всегда направляется сверху и зависима от власти, в чем сокрыта ее слабость и уязвимость. С другой стороны, к реализации исторической политики власти могут привлекать и профессиональные сообщества историков, что, вероятно, самым негативным образом сказывается на конечном продукте, способствуя и содействуя политизации исторического знания. В этом контексте, вероятно, прав шведский историк Рольф Торстендаль, который подчеркивает, что «новейшая история вовлечена в конфликт профессионализма и политики» [10]. Эта вовлеченность в наибольшей степени проявляется в транзитных обществах, которые отягощены не только социально-экономическими, но и многочисленными национальными проблемами и противоречиями. Одним из факторов, которые способствуют политизации истории, является значительная степень интегрированности исторического знания в современное общество, в том числе – и в сферу образования: «...дело не только в историках... история – это не только наука, но и учебная дисциплина. История – это часть нашего «я», это наше «самосознание», и если мы считаем себя украинцами, то мы уже занимаем определенную позицию... И потому и профессора истории – это все равно дети своего времени, своего общества» [11].

Рассматривая проблемы политизации истории, Станислав Кульчицкий, словно развивая идею французского историка Пьера Нора о том, что национальная история в большинстве случаев пишется как «мифологизированная история» [12], полагает, что она не только неизбежна, но и содействует мифологизации: «нас всегда кормят историческими мифами. Была одна власть, потом появилась другая – и все, что раньше говорилось, оказалось мифом, а новое – правдой. Но дело в том, что это «новое» – тоже оборачивается мифом» [13]. Мифологизация прошлого в формировании и воспроизводстве исторического знания имеет особое значение. С одной стороны, мифологизация способствует укреплению и усилению той или иной национальной идентичности. С другой – мифологизация прошлого может иметь и позитивное значение, являясь мощным фактором в конструировании новых политических и национальных идентичностей.

В подобной ситуации политизация истории представляется неизбежной, так как историческое знание перестает быть исключительно наукой, трансформируясь в одну из форм поддержания национальной идентичности, воспроизводство которой представляется маловероятным без преподавания исторических дисциплин на уровне как средней школы, так и университета. Мифологизация и национализация истории были просто неизбежны в историографии Украины, которая после восстановления политической независимости столкнулась со значительными сложностями в деле написания национальной истории. Именно эти временные затруднения привели к появлению основных особенностей современной украинской историографии, которые не преодолены до настоящего времени. По мнению Георгия Касьянова, украинская историческая наука развивается вокруг нескольких «не очень интересных интерпретационных и познавательных форм». Этими своеобразными общими местами постсоветской украинской историографии стали идеи о длительном отсутствии в Украине государственности, повышенный интерес к истории национального украинского движения, а также этноцентризм новой модели исторического знания [14]. Хотя Георгий Касьянов очень аккуратен и подчеркнуто академичен в своих формулировках, современная украинская историческая наука не очень далеко ушла от советской модели. Вероятно, советская и постсоветская украинская историография вполне сравнимы в силу своей чисто генетической и методологической родственности и близости. Значительный и масштабный характер изменений в украинской современной историографии не более чем иллюзия. Вероятно, этот факт осознается и определенной частью критически мыслящих украинских историков. Подобно советской модели исторического знания современная украинская историография имеет государственный стержень, но в отличие от советского периода в анализе сюжетов, связанных с государственной историей, доминирует этноцентризм.

Этноцентризм на постсоветском пространстве имеет самые разные проявления и измерения. Предполагается, что российские версии истории смогли избежать вызовов этнической парадигмы, а, например, украинская историография греховна изначально по причине доминирования эссенциалистских объяснений прошлого. Подобное объяснение настолько поверхностно, насколько и схематично. Проблема, вероятно, состоит в том, что далеко не все российские историки готовы признать, что может существовать, например, отдельно история Украины и отдельно история России и что в подобной ситуации события, которые географически имели место не в Украине, к украинской истории никакого отношения не имеют. Комментируя подобную проблему,

А. Даниэль подчеркивает, что «как бы ни конструировалась национальная история Украины сегодня, никогда частью этой истории не будут события, происходившие в Саратове или в Ташкенте, в отличие от национальной истории России. Это история СССР. Было такое государство, просуществовавшее 74 года. И история СССР осталась сиротой с его распадом. И мы либо признаем, что ее вообще не было, и тогда непонятно, о чем мы сейчас говорим. Либо мы признаем ее, и тогда ее надо удочерить. А ее некому удочерить, кроме как России. Только Россией может быть сконструирована такая история, чтобы события, происходившие в 38-м году в Западной Сибири, Ташкенте и Тбилиси, стали историей одного государства» [15].

В подобной ситуации неизбежно будет проигрывать российское научное сообщество, которое окажется заложником очень устойчивых и чрезвычайно популярных мифов универсализма и мессианизма. Доминирование подобной мифологии, с одной стороны, вынуждает российских историков писать изначально большие истории той страны, которая уже не существует, но с которой Россия настойчиво и порой навязчиво подчеркивает свою преемственность. С другой стороны, русские историки (если этот политически некорректный термин уместен) оказываются не в состоянии воспользоваться той возможностью, которую, например, реализовали их коллеги в Украине, написав именно национальную историю Украины как нации и государства, частично как политической нации, основанной на радикальном отделении / отдалении от российской истории.

Ссылки:

1. Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
2. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Там же.
3. Балла О. Непреодоленное прошлое. Интеллектуалы сравнили свой исторический опыт // НГ – Ex libris. 2005. 20 янв.
4. Михник А. Историческая политика: российский вариант [Электронный ресурс]. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=1906&n=99 (дата обращения: 15.10.2013).
5. Миллер А. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2008/05/08/miller3-istoricheskaya-politika-vostochnaya-evropa.html> (дата обращения: 15.10.2013).
6. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4: Историческая политика. С. 9.
7. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческое знание и его функции. С. 19.
8. Минаян С. Как Армения относится к своему прошлому: история и политика [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/01/11/armeniya/> (дата обращения: 15.10.2013).
9. Зигзаги исторической политики [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2011/10/18/miller.html> (дата обращения: 15.10.2013).
10. Торстендаль Р. Профессионализм и использование истории // Диалог со временем. М., 2003. Вып. 10. С. 45.
11. Станислав Кульчицкий: у молодежи другой взгляд на историю [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/articles/2011/10/28/skul.html> (дата обращения: 15.10.2013).
12. Франция – память / сост. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 7.
13. Станислав Кульчицкий: у молодежи другой взгляд на историю...
14. Касьянов Г. Национализация истории в Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2009/01/06/kasyanov.html> (дата обращения: 15.10.2013).
15. Как завершить историю СССР : материалы круглого стола [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/analytics/2008/04/24/istpamat.html> (дата обращения: 15.10.2013).

References:

1. Boroznyak, AI 2005, 'Germany: the wave of historical memory', *NZ*, no. 2-3.
2. Adorno, T 2005, 'What does "study the past"', *NZ*, no. 2-3.
3. Balla, O 2005, 'Unresolved past. Intellectuals compared their historical experience', *NG – Ex libris*, January 20.
4. Michnik, A 2013, *Politics of History: Russian variant*, retrieved 15 October 2013, <http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=1906&n=99>.
5. Miller, A 2013, "The Politics of History" in *Eastern Europe: the fruit involved observations*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2008/05/08/miller3-istoricheskaya-politika-vostochnaya-evropa.html>>.
6. Miller, A 2009, 'Russia: the power and history', *Pro et Contra*, no. 3-4: The Politics of History, p. 9.
7. Savelev, IM, Poletaev, AV 2014, *Historical knowledge and its functions*, p. 19.
8. Minayan, S 2011, *As Armenia relates to its past history and politics*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ru/article/2011/01/11/armeniya/>>.
9. *Zigzags of historical policy* 2011, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2011/10/18/miller.html>>.
10. Torstendal, R 2003, 'Professionalism and usage history', *Dialogue with time*, Moscow, vol. 10, p. 45.
11. *Stanislav Kulchitskii: youth another view of history* 2011, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/articles/2011/10/28/skul.html>>.
12. Nora, P, Ozouf, M, Pyuimezh de J, Vinok, M 1999, *France – memory*, St. Petersburg, p. 7.
13. *Stanislav Kulchitskii: youth another view of history* 2011, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/articles/2011/10/28/skul.html>>.
14. Kasyanov, G 2009, *Nationalization of history in Ukraine*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2009/01/06/kasyanov.html>>.
15. *How to complete the history of the Soviet Union: proceedings of the round table* 2008, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ru/analytics/2008/04/24/istpamat.html>>.